

УДК 316.273

М.Г. Мустафаева, Ф.М. Мустафаев

О некоторых проблемах, противоречиях и особенностях межэтноконфессионального общения в многонациональном и поликонфессиональном регионе

Статья посвящена анализу сложного и достаточно противоречивого процесса межнационального и межконфессионального общения в таком полиэтноконфессиональном регионе, как Республика Дагестан.

Ключевые слова: *взаимосвязь наций и религий, противоречия и проблемы межэтноконфессионального общения.*

The article deals with the analysis of the complicated and contradictory enough process of the interethnic and interconfessional communication in the polyethnoconfessional region, Republic of Daghestan.

Keywords: *interrelation of nations and religions, contradictions and problems of the interethnoconfessional dialogue.*

С точки зрения диалектического анализа сущности социальных явлений, противоречия и трудности свойственны всякому процессу развития, неизбежны они и в исследуемой нами сфере. Поэтому мы утверждаем, что существует целая система специфических противоречий и трудностей процесса межэтноконфессионального общения.

По-своему оригинально и специфично они проявляют себя в условиях регионов традиционного проживания людей различных национальностей и конфессиональных ориентаций. Наиболее оригинальным из таких регионов, где основное (коренное) население более 1000 лет исповедует ислам и в котором имеют многовековое распространение христианство и иудаизм, является Республика Дагестан².

Как отмечают специалисты, межнациональные отношения и религиозная ситуация в республике в целом характеризуются как относительно стабильные, хотя проблемы внутринациональных, межнациональных, внутрирелигиозных, межрелигиозных и межэтноконфессиональных отношений дают о себе знать. Всем известная оригинальная «общедагестанская полинациональность и поликонфессиональность» исторически взаимно и естественно переплетаясь на обыденном социокультурном и этнопсихологическом уровнях, обеспечила своеобразное «мирное сосуществование» в принципе различных, достаточно сложных и специфических этнонациональных и этноконфессиональных образований [1, с. 52].

Однако следует заметить, что эта сфера общественных отношений в последние 10–15 лет в регионе проявляет себя достаточно противоречиво, давая определенные сбои. Столкновения как внутрирелигиозного, так и межрелигиозного, межэтнического характера происходили в городах Дербенте, Хасавюрте, Кизляре, Махачкале, а также в районах (Карабудахкентском, Каякентском, Кизилюртовском, Казбековском, Ногайском, Хасавюртовском, Кизлярском, Тарумовском, Бабаюртовском, Новоллакском и т. д.), где население в этнонациональном плане является не только полиэтническим, но и поликонфессиональным. По данным Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям РД, на 25 мая 2011 г. в республике действуют 2517 мечетей, 1295 из них – джума-мечети, 826 квартальных мечетей, 271 молитвенный дом, 13 исламских вузов, 98 медресе, 2 культурно-просветительских центра, 1 союз исламской молодежи, а также республиканская исламская организация «Духовное управление мусульман Дагестана». В это число также входят 19 шиитских объединений (9 центральных

² С учетом специфики исторического, этнотерриториального и современного расселения национальностей Республики Дагестан, процентного соотношения их представителей, проживающих в сельских однопациональных и городских полиэтноконфессиональных условиях, можно предварительно определить, что наиболее интенсивно межнационально и межконфессионально общающимися национальностями являются русские, таты, кумыки, часть аварцев и даргинцев, азербайджанцы и более 60 % лакцев. В общенациональном масштабе в силу того, что существенный процент дагестанского населения устойчиво проживает в однопациональных и моноконфессиональных сельских условиях, менее подвержен межнациональному и межконфессиональному общению достаточно большой процент аварцев, даргинцев, лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахур и ногайцев.

мечетей и 10 квартальных мечетей). Остальные религиозные объединения представляют суннитское направление ислама. Христианство по числу своих последователей в Дагестане занимает второе после ислама место. В настоящее время в республике действуют 5 традиционных христианских религиозных объединений, 19 протестантских, 2 армянских религиозных общества, 1 древнеправославная община. Иудаизм в Дагестане представлен 5 действующими общинами (в Махачкале, Дербенте, Буйнакске, Хасавюрте, Кизляре). Поэтому проблемы в этих отношениях можно условно разделить на три группы:

1) противоречия и трудности, имманентно присущие самому процессу межэтноконфессионального общения, процессу как межнационального, так и межконфессионального общения, где тесно и органично переплетаются национально-этнические и этноконфессиональные факторы, в рамках которого происходит как развитие, так и постепенное сближение, взаимопроникновение этнонационального и этноконфессионального факторов, возрождение национального и религиозного самосознания, все большая и необратимая интеграция общественной жизни в условиях демократизации и перехода к рыночным экономическим отношениям. Этот процесс обусловлен как объективными предпосылками, так и субъективными факторами, которые характерны для межэтноконфессиональных отношений в условиях современного развития Республики Дагестан;

2) противоречия, возникающие на уровне процесса взаимодействия зарождающегося нового и не так уж легко отступающего старого в межэтноконфессиональном общении. Прежде всего здесь имеются в виду проявления в национальном и религиозном сознании пережитков шовинизма, национализма, местничества, негативных межнациональных и религиозных стереотипов, национального высокомерия, чванства и эгоизма;

3) в процессе межэтноконфессионального общения, национально-языкового строительства, реисламизации дагестанского общества, достаточно больших миграционных процессов, научного регулирования и управления этими отношениями часто совершаются ошибки, что, безусловно, способствует возникновению соответствующих противоречий между отдельными сторонами и элементами системы межэтноконфессионального общения. Сюда мы прежде всего относим просчеты и недостатки в социальном планировании, управлении национальными, религиозными и миграционными отношениями, подборе и расстановке руководящих национальных кадров, работе органов системы образования, учреждений культуры, телевидения и других СМИ и т. д. [2, с. 146].

Рассмотрим более подробно соотношение национализма и шовинизма как факторов усложнения и затруднения процесса межэтноконфессионального общения.

Исследователи отмечают, что различия между ними весьма условны. В определенных условиях в национализме свойства и черты шовинизма не возникают, а лишь обнаруживаются, проявляются. Нужно иметь в виду, что свойства и черты шовинизма в той или иной мере потенциально заложены в каждом национализме. Шовинизм – это национализм крупной нации по отношению к малой или малочисленной национальности. Если, например, руководствоваться только количественным фактором в межнациональных и межконфессиональных отношениях, то религиозно-националистические действия, например, грузин и азербайджанцев по отношению к другим национальностям в этих республиках (лезгинам, аварцам, цахурам, абхазцам, аджарцам, осетинам), можно свободно квалифицировать как шовинистические. Поэтому шовинизм в межэтноконфессиональных отношениях следует рассматривать как проявление крайне реакционной формы национализма. Он связан с притязаниями определенных кругов той или иной нации и конфессии на исключительность и привилегии. Шовинизм – это мораль и психология порабления других народов, подавления и насилия над ними, стремление этнодеградировать покорить другие народы, это выражение антигуманизма в процессе межнационального общения. По необходимости он смыкается с расизмом и экстремизмом, религиозным национализмом, заимствуя у них определенные черты. Расизм и шовинизм – это идеология и политика дискриминации людей в зависимости от их национальной, этнической, религиозной и расовой принадлежности. Расизм и шовинизм выступают в массовом сознании как предрассудок, как предубеждение, согласно которому ценность человека в обществе якобы предопределяется его расовыми, национальными и религиозными особенностями [3, с. 141].

Однако современная наука располагает данными, свидетельствующими о том, что этнические и конфессиональные особенности людей не имеют никакого отношения к их социальным

качествам, духовному облику. Об этом говорят достижения биологов, этноантропологов, медиков, этнопсихологов и социологов. Даже болезни людей разной расовой или национальной принадлежности вызываются в принципе одними и теми же причинами. Именно поэтому национализм, так же, как и шовинизм, в межэтноконфессиональных общениях мы рассматриваем как идеологию, мораль и социальную психологию культурного верховенства (превосходства) той или иной нации над другой. Национализм как идеология и психология пытается превратить нацию в верховную и абсолютную ценность, которой якобы должна подчиняться вся жизнь, он не согласуется с идеей о том, что всякий человек имеет безусловную ценность³. Национализм проповедует замкнутость, изоляцию, закрытость для других народов и культур, самодовольство, партикуляризм или экспансию за счет других народов и культур, он глубоко противоречит персоналистической этике, отрицает ценность человеческой личности.

Феномен национализма в научной литературе понимается как явление общественно-политической жизни, в котором нация условно рассматривается как сообщество одинаково говорящих и одинаково мыслящих людей, как некая высшая и основополагающая категория. Он включает в себя идеи уникальности и исключительности своей нации, пытается доказать ее превосходство над другими этносами и народностями. Ученые выделяют два вида национализма: государственно-гражданский и этнический. Первый основывается на идее согражданства и понимает нацию как политическую общность. Второй рассматривает нацию как этническую категорию, как определенное сообщество, имеющее общие исторические корни, социально-психологическую и даже генетическую природу [5, с. 20, 52].

Гражданский национализм является в определенной мере естественным фактором, присутствующим в политической, религиозной и социально-психологической жизни многих государств и народов. Очень часто он принимает форму различных отрицательных национально-религиозных стереотипов, существующих на уровне массового сознания. Сюда, к примеру, можно отнести убежденность среднего американца в том, что «Америка является самой свободной и набожной страной мира», или среднего англичанина – в превосходстве английской политической системы над политическими системами других стран.

Национализм этнический также присутствует в латентной (скрытой) форме у большинства народов и имеет тенденцию проявляться в экстремальных для этноса ситуациях (войны, нашествия, оккупация и т. д.).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что национализм – это самосознание, ориентированное на максимализм и превосходство, предвзятое восприятие членами одной этнической и конфессиональной общности по отношению к другой, значительно повышенная враждебность в отношении последней при всякой внутриэтнической солидарности.

1. Межнациональному и межконфессиональному общению, препятствуют пережитки шовинизма, национализма, религиозного экстремизма негативное общественное мнение и т. д. [5]. Здесь же следует отметить, что Министерством просвещения Украины в высшей и средней школе введена новая дисциплина под названием «научный национализм» (Литературная газета. – 1995. – 5 мая).

Следует еще учесть, что у различных социальных категорий населения Республики Дагестан разные возможности во взаимном социально-этническом познании, в практическом, непосредственном межнациональном и межконфессиональном общении. Люди, живущие в однонациональных и однорелигиозных сельских районах республики, значительно реже (от случая к случаю) вступают в устойчивое непосредственное общение с людьми других национальностей и конфессий. Можно условно считать, что молодое поколение аварцев, даргинцев, агулов, табасаранцев, лезгин, рутульцев и цахур, аборигенно живущих в районах своего традиционного, моноэтнического и моноконфессионального сельского расселения, до окончания школы, т. е. до 17–18 лет, вообще не имеет опыта усвоения внутридагестанских вариантов межнационального и межконфессионального общения. Этот фактор, пожалуй, является причиной возникновения трудностей в межнациональном общении дагестанской многонациональной молодежи, обучающейся в вузах, техникумах и колледжах республики. Поэтому мы и выдвигаем идею необходимости максимального расширения объема массы именно молодых людей от всех национальностей и конфессий республики, которые бы узнавали друг о друге как можно больше

³ В данном исследовании автором дается более 40 вариантов.

в непосредственных и устойчиво сложившихся поликультурных контактах. Система образования республики имеет большие возможности для формирования у подрастающего поколения навыков межконфессионального общения. Этому способствуют походы по боевым и историческим местам, работа средств массовой информации, межрайонные состязания, обмен ценностями, знакомство с образцовыми межнациональными семьями, примерами дружбы людей различных национальностей, куначества и т. д. [8].

Не менее актуальной является проблема воспитания детей на основе концепции поликультурного образования, которая, по нашему глубокому убеждению, должна постепенно завоевывать образовательное пространство Республики Дагестан. В ее основу должен лечь тезис о том, что ни одна этнокультура не является незваным гостем в Дагестане, и ни один дагестанец не должен рассматриваться как культурный самозванец.

Что представляет собой концепция поликультурного образования и воспитания?

Мы, будучи убежденными сторонниками поликультурного образования, признаем:

♦ трактовка полиэтнического дагестанского общества как «плавильного котла» является ошибочной, ибо человек любой национальности, с одной стороны, в большинстве случаев устойчиво сохраняет приверженность своей базовой этнокультуре, а с другой – может совмещать в себе принадлежность к нескольким этнокультурам;

♦ понимание полиэтнического дагестанского общества как разнообразной и уникальной мозаики культур и этносов (больших, малых и малочисленных), поскольку развитие любой культуры не может быть рассмотрено в отрыве от процессов общедагестанского межкультурного взаимодействия.

Иными словами, трактовка дагестанского общества как полиэтнического, поликультурного исходит из представления о том, что многие люди, особенно в городских условиях полиэтнической, поликонфессиональной социализации, не принадлежат только к одной этнической группе, они порой являются членами двух и более общностей, носителями нескольких культур, которые «смыкаются» в самых различных комбинациях, находятся в постоянной динамике формирования культуры маргинальности. Современное полиэтническое, поликультурное дагестанское общество есть общество особо специфического социального, этнического и конфессионального разнообразия, причем разнообразия постоянно изменчивого. Успешная межэтническая и межконфессиональная социализация в таком мире естественно должна ориентировать ребенка на постижение его способности к самостоятельному выбору (вплоть до изменения этнической и конфессиональной идентичности), развитие вариативности поведения в разных культурных средах, повышение уровня культуры и психологии толерантности к «иным», непохожим. Образовательные институты республики, реализуя свои социализирующие функции, должны найти некоторое «равновесие» между задачами обретения общедагестанской идентичности и сохранением свободы личностного выбора.

Однако, как бы широко ни понималось межкультурное (поликультурное) образование и воспитание в специфических условиях Дагестана, на наш взгляд, оно вполне сводимо к некоторому набору таких приоритетных мировоззренческо-воспитательных задач, как:

♦ личностно-этническое развитие каждого ребенка, что предполагает индивидуальный подход к нему;

♦ развитие межэтнической, межкультурной и межрелигиозной грамотности, то есть достижение детьми определенного уровня информированности об особенностях истории и культуры всех исторически представленных в дагестанском обществе этнических групп;

♦ формирование мотивации общедагестанской, общероссийской этнокультурной компетентности, т. е. не только позитивного отношения к наличию в обществе различных этнокультурных групп, но и умения толерантно понимать их представителей и взаимодействовать с партнерами из других культур;

♦ осознание объективного процесса взаимодействия и взаимообогащения культур в современном мире как объективно необратимое условие развития интегративных процессов.

Социально-психологические исследования усвоения процесса поликультурного образования и воспитания, а также проведенные за последние годы отделом социологии ДНЦ РАН исследования показали, что он в целом позитивно влияет на межэтнические и межконфессиональные отношения в республике, поскольку у учащихся благодаря ему межгрупповые контакты протекают в более благоприятных условиях, происходит обобщение позитивного опыта подобных

контактов, что, в свою очередь, способствует формированию общедагестанской идентичности. Поэтому мы считаем, что программы и модели поликультурного образования и воспитания необходимо разрабатывать как для всех городских и поселковых полиэтнических школ республики, где представители различных культур находятся в постоянном непосредственном взаимодействии, так и для сельских школ с относительно этнокультурно и конфессионально однородным составом учащихся. Например, первую форму обучения можно было бы условно назвать «общедагестанской интеграцией», а вторую – «интеркультурным обучением и воспитанием». Во втором случае перед педагогом не стоит задачи межкультурной интеграции коллектива, однако изучение позитивных аспектов «иных» культур, работа по уменьшению порой естественно формирующегося этноцентризма, обучение пониманию различий полезна и в этом случае.

Естественно, возникает проблема реального воплощения таких программ в школьной практике, поскольку поликультурное образование и воспитание есть одна из форм официального, осознанного, специально организованного обучения детей, которое проводится при помощи соответствующих процессов и методов.

Одним из регионов, где удалось достичь значительных успехов в обучении и воспитании детей в духе уважительного и доброжелательного отношения к сверстникам любой национальности, религии и культуры, является Республика Дагестан, где в системе образования, всегда учитывалась необходимость взаимной толерантной информированности. В этой связи хотелось бы дать некоторую информацию из опыта одной школы, которая, на наш взгляд, во многом может служить примером, образцом для современных школ республики. Таким образом может быть опыт работы нашего талантливого учителя Георгия Николаевича Сивриды в Башлыкентской средней школе Каякентского района. В этой школе по его инициативе и непосредственно под его руководством еще в 50-х годах прошлого века реализовалась программа «Мы все являемся дагестанцами». Программа состояла из 10–15 уроков, включенных в общий учебно-воспитательный процесс, и последовательность тем уроков им жестко не регламентировалась. Каждый урок начинался с невероятно увлекательного рассказа Георгия Николаевича о тех или иных народах Дагестана, их языках, культуре, быте, истории, религиях и т. д. Учеников он, как правило, просил не столько обсуждать саму историю, сколько развернуть заданную тему, основываясь на личном опыте. Таким образом, темой каждого отдельного урока являлась определенная ситуация из реальной жизни, причем акцент на этнических моментах принципиально им не ставился. Затрагивались темы и проблемы, которые были интересны любому из нас: игры, планы на будущее, идеалы и кумиры, отношения с родителями, положение в группе сверстников, ссоры, дружба и т. д.

При обсуждении этих проблем различный этнокультурный опыт всплывал непроизвольно, открывая нам возможное разнообразие подходов к обсуждаемой проблеме, а использование многочисленных игровых техник позволяло им достичь взаимопонимания со сверстниками других национальностей в реальном взаимодействии. Наш учитель иногда специально акцентировал внимание класса на том, что обсуждение темы может вестись на родных языках, даже если это непонятно окружающим. Он отмечал, что иногда само по себе снятие определенного табу на использование родного языка создает атмосферу раскованности и взаимного доверия учеников различных национальностей в классе. Это подкреплялось использованием большого количества невербальных техник: историю и проблему можно не только обсуждать, но и изображать в виде пантомимы, статуй главных героев и т. п. Как правило, в такой урок он включал и письменные задания, то есть мы должны были написать возможные варианты продолжения истории, или сочинить собственное произведение на заданную тему в любой жанровой форме (сказки, стихотворения), причем выбор языка также не ограничивался. Таким образом, главной задачей нашего педагога являлось предоставление каждому из нас возможности максимального творческого самовыражения. Ценность такой программы для детей различных национальностей, на наш взгляд, заключается в том, что они:

- ◆ приобретают первичный опыт осознания собственных этноконфессиональных стереотипов и предрассудков;
- ◆ получают представление о других народах республики, об их культурах и религиях в живом непосредственном общении;
- ◆ обретают способность ценить в себе и в других индивидуальность и непохожесть, обусловленную в т. ч. этническими и конфессиональными различиями;

♦ начинают ценить многоязычие (билингвизм), учась выражать и совершенствовать свой опыт вербального межнационального общения.

Мы привели только один пример реализации программы поликультурного образования и воспитания, и, естественно, она не претендует на универсальность. Можно согласиться, что разработка универсальной модели обучения и воспитания детей только на основе одного подхода может завести в тупик. Более перспективным представляется такое направление, которое основано на разновариативной типологизации существующих подходов и технологий поликультурного образования и воспитания, создания теоретических оснований для каждого типа отдельно.

Отмеченный нами положительный опыт системы поликультурного образования и воспитания детей различных национальностей Республики Дагестан в силу особой культурно-исторической и морально-психологической специфики проблемы межнационального и межконфессионального общения имеет большое значение. Тем более, что ряд существенных просчетов и упущений в межличностных отношениях в последнее время в такой многонациональной и поликонфессиональной стране, как Россия, безусловно, еще долго будет препятствовать развитию позитивного, потенциала в общении национальностей и конфессий.

К числу тех факторов, которые характеризуют процесс межнационального и межконфессионального общения как сложное и противоречивое образование, определяют менталитет, своеобразие умственно-психологического склада, мировосприятие и поведение народа, относятся и проблемы взаимного соотношения или взаимосвязь национального и религиозного [9, с. 62]. В прошлом очень часто национальный и религиозный факторы способствовали объединению, так и разобщению людей. Действительно, в прошлом религия всегда делила людей по принципу вероисповедания – «наши» и «не наши» (инородцы, иноверцы). Национальная идея также противопоставляла людей по их национальной принадлежности. Отсюда для человека того или иного вероисповедания, той или иной национальности «своим, хорошим и близким человеком», в принципе, на обыденном уровне может быть человек только его национальности, его вероисповедания. Тысячелетняя история религиозной и национальной нетерпимости способствовала укреплению установок межнациональной и межрелигиозной неприязни, несовместимости, а иногда и крайней степени антипатий, порой даже до военных столкновений, и т. д.

Религия в прошлом, да и в наши дни особо заинтересована в том, чтобы связь между религиозным и национальным факторами не ослаблялась, а усиливалась. В этом она видит один из важнейших факторов устойчивого сохранения в национальном сознании, в обыденной жизни народа своих позиций. Особенно большие надежды на взаимосвязь религиозного и национального возлагают мусульманские религиозные организации, как в российских регионах традиционного распространения ислама, так и за рубежом. Они прилагают немало усилий для того, чтобы поддерживать и распространять бытующее у части населения представление об исламе как о национальной религии определенных народов, о неотъемлемом элементе их национальной жизни. С этой целью они даже пытаются пересмотреть с мусульманских позиций историю народов этих регионов, внедрить в массовое национальное сознание мысль о невозможности сохранения и дальнейшего цивилизованного развития их самобытной национальной культуры и традиций вне исламской религии. По их представлениям, без ислама якобы невозможно само существование и дальнейшее развитие так называемых «мусульманских народов»⁴.

На существование проблемы взаимодействия национального и религиозного указывают такие факторы: 1) несколько национальностей исповедуют одну религию (например, христианство, буддизм, ислам); 2) существование так называемой национальной религии, т. е. иудаизма, границы распространения которого ограничиваются границами одной (еврейской) нации; 3) наличие в рамках одной и той же национальности нескольких религий (осетины, кабардинцы, татары и т. д.). Поэтому, вне всякого сомнения, мы можем утверждать, что любая нация исторически и естественно наследует ментальные и культурные традиции своей религии [1, с. 146]. В наше время очень редки однонациональные религии (такие, как иудаизм евреев, син-

⁴ Очень часто встречающиеся в литературе термины «мусульманские страны», «мусульманские народы», «мусульманские нации», по нашему мнению, являются условными и устаревшими. Речь идет о таких странах и народах, где большая часть населения традиционно исповедует ислам, для предков которых ислам является традиционной религией. Поэтому эти термины нами взяты в кавычках.

тоизм японцев или армяно-григорианская церковь Армении). Обычно одну религию исповедуют несколько или множество народов. Таковы прежде всего мировые религии (буддизм, христианство, ислам) и некоторые локальные религии, вышедшие за пределы одного этноса (например, индуизм исповедуют не только в Индии, но и в Непале, Шри-Ланке, Индонезии; конфуцианство кроме Китая также в Корее, Таиланде; зороастризм – в Иране и Индии). С другой стороны, в современном мире достаточно обычно сосуществование в рамках одной нации нескольких религий и конфессий. Так, среди белорусов и украинцев есть православные, католики, униаты, протестанты; среди венгров – католики, протестанты (кальвинисты и лютеране), православные; в Египте – мусульмане, христиане (католики, протестанты, униаты). Часть немецкого населения является лютеранами, другая часть – католиками, среди албанцев распространены три религии – ислам, православие и католицизм, буряты также исповедуют три религии – буддизм, православие и шаманизм, часть осетин, кабардинцев и татар является мусульманами, другая часть – христианами, часть татов – мусульмане, другая – иудеи, часть азербайджанцев – мусульмане-сунниты, другая – мусульмане-шииты, подавляющее большинство лезгин – мусульмане-сунниты, лишь одно село (Мискинджа в Докузпаринском районе) является мусульманами-шиитами и т. д.

Нынешнюю Бельгию населяют два народа – фламандцы, говорящие на одном из германских языков, и валланы, чей родной язык французский, и это рождает массу проблем. Но хотя оба этноса пользуются определенной автономией, вряд ли в Бельгии когда-нибудь на этноконфессиональной почве произойдет раскол. Слишком крепка связь этих народов, а важнейшей частью этой связи является общая религия – католицизм. И даже когда решением Венского конгресса 1815 г. Бельгия была отдана под власть голландского короля, уже через 15 лет бельгийцы – и фламандцы, и валланы – восстали и отделились, хотя фламандцы по языку ближе к голландцам (их языки взаимопонятны), чем к валланам, но общие экономические интересы, общая история и религия объединяли их с валланами, и все вместе предопределило их выбор.

Приведем еще один пример. То, что хорваты и сербы, говорящие на одном сербохорватском языке, тем не менее, являются разными народами, во многом объясняется различиями в религии: хорваты – католики, сербы – православные. Отсюда разные культуры, ориентация хорватов на Западную Европу, сербов – на Россию и давняя вражда между сербами и хорватами.⁵

Сегодня все больше говорят о необходимости создания единого арабского мира, арабской культуры и цивилизации. В состав арабского мира входят многочисленные этносы, но они говорят на таких далеких диалектах и наречиях арабского языка, что порой не понимают друг друга (арабы-марокканцы, арабы-иракцы, арабы-ливанцы и ливийцы и т. д.).

Известно, что арабский язык когда-то был привнесен во все эти государства арабами-завоевателями вместе с новой религией – исламом. Именно ислам стал мощнейшей объединительной силой, а арабский язык лег в основу формирования этих культур [12, с. 162].

Религия как форма общественного сознания – это система важнейших и часто очень ранних представлений социума о мире, о человеке и обществе, о добре и зле, красоте и правде. На протяжении многих веков религиозные представления людей господствовали и радикально влияли на все другие проявления общественного сознания и культуры. Поэтому воздействие религии на менталитет народа исключительно глубоко и разнообразно.

Религия, как и нация, представляет собой определенную семиотическую⁶ систему и наряду с другими семиотиками (обыденным сознанием, искусством, науками) способствует образованию на житейском, обыденном уровне совокупного и «национализированного» общественного сознания народа. Как и любая семиотическая система, религия и нация обладают определенным содержанием, т. е. являются отражением (моделями) внешнего мира; религия – в системе религиозных представлений, а нация – в системе языковых (лексических и грамматических) значений. Религия всегда была и остается наиболее значительной формой общественного и эт-

⁵ В настоящем исследовании А.Г. Здравомыслов отмечает, что Министерством просвещения Украины в высшей и средней школе введена новая дисциплина под названием «научный национализм» (см.: Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1999. – С. 12).

⁶ Семиотика (от греч. *semeiotos* – знак, признак) – наука о знаках и знаковых системах, о естественных и искусственных языковых системах.

нического сознания, их содержательным фундаментом [13, с. 65]. Национальный язык на всем историческом пути народа предстает как общедоступная оболочка этнического сознания. В сравнении с религией язык – это более формальная (менее содержательная) и как бы вспомогательная семиотика. Однако язык в большей мере, чем религия, обязателен для всех членов общества или этноса в качестве элементарного базового сознания каждого человека как члена этнической общности.

Язык и религия в своих соотношениях в разной мере связаны с менталитетом народа. Если религиозные представления – это питающий источник или органический и естественный фундамент национального менталитета (хотя в современной культуре это не всегда и не до конца может осознаваться), то роль языка существенно меньше и формальней. Религия обычно не является специфической национальной системой воззрений и поэтому в целом она меньше связана с внешними проявлениями национальной самобытности, а язык в качестве первоэлемента таких форм общественного и национального сознания, как фольклор и художественная литература, может восприниматься как факт и фактор, как залог и символ этнической самобытности, как реально работающее средство общения людей, служащее специфическим средством хранения и передачи информации и управления поведением человека. С опорой на язык реализуется познание действительности, в т. ч. и национально-исторической. В национальном языке объективируется национальное самосознание личности [14, с. 783], т. е. национальное существование народов Дагестана невозможно вне их конкретных национальных языков. Исторический опыт, например, учит, что уникальное многоязычие Дагестана исторически и динамично сосуществует в тесном единстве со всеми дагестанскими языками, зона их взаимного влияния не остается постоянной и каждая национальность в этих условиях достаточно толерантна и двуязычна, а в отдельных случаях полиязычна.

Подводя итог, следует еще раз повторить, что большинство конфессий не является однонациональными и многие нации не являются едиными по конфессиональному признаку, и поэтому принадлежность определенного народа к той или иной конфессии не может обусловить его самобытность, непохожесть на другие народы. Особенности культуры народа, обусловленные его вероисповеданием, оказываются в значительной степени общими для всех этносов определенного культурно-религиозного мира. В наше время, как и в прошлом, религиозные традиции не столько разъединяют, сколько объединяют народы в своеобразные культурные миры [7, с. 46]. А что касается самобытности конкретного народа, то она создается органическим соединением всех факторов этнообразования, а главное – неповторимостью, своеобразностью этноисторического пути каждого народа, включая историю его религиозного развития. Именно поэтому религиозные и национально-этнические элементы в сознании и чувствах, обрядах и традициях, вкусах и жизненных ориентациях людей тесно переплетаются. Они могут сыграть роль как этноинтегрирующего, так и этнодифференцирующего характера. В процессе непосредственного общения национальностей и конфессий необходим учет всех факторов, особенностей и нюансов этой сложной, исторически сложившейся, своеобразно противоречивой системы их соотношений.

Литература

1. *Абдулагатов З. М.* Ислам в массовом сознании дагестанцев. – Махачкала, 2008.
2. *Билалов М. И.* Дагестан в культуре и цивилизации. – Махачкала, 2010.
3. *Джунусов М. С.* Национализм: Словарь-справочник. – М., 1998.
4. *Дробижева Л. Н.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации. – М., 1994; *Левкович В. П., Андриюшак И. Б.* Этноцентризм как социально-психологический феномен обыденного сознания в ситуации социоэтнических изменений // Этническая психология и общество. – М., 1997; *Тишков В. А.* О нации и национализме // Свободная мысль. – 1996. – № 3.
5. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1999.
6. *Кафаров Т. Э.* Принципы этики ислама: нравственный ориентир для мусульманина // Исламоведение. Всероссийский научно-теоретический журнал. – 2010. – № 2.
7. *Койчуев А. А.-Дж.* К проблеме исследования гражданственности и патриотизма мусульманской молодежи на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2011. – № 1.

8. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этнография и география религий. – М., 2005.
9. Магомедова М.З. Роль дагестанской семьи в формировании культуры межнациональных отношений. – Махачкала, 2005; *Она же*. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума. – Махачкала, 2009.
10. Мустафаева М.Г. Проблемы взаимосвязи национального и этноконфессионального факторов в социально-психологическом поведении личности // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1987. – № 2; Мустафаев М.Б., Мустафаева М.Г. О некоторых актуальных проблемах формирования общедагестанского самосознания // Отделу социологии ДНЦ РАН – 40 лет. Материалы научной сессии. – Махачкала, 2008.
11. Религия в самосознании народа. – М., 2008; Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в федеральной политике в Дагестане // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008; Исмаилов А.Ш., Ханбабаев К.М., Рагимов А.И. Религии в Дагестане: история и современное состояние. – Махачкала, 2007.
12. Садохин А. П. Этнология. – М., 2000.
13. Ханбабаев К.М. Профилактика религиозно-политического экстремизма в молодежной среде // Социально-экономическое развитие – основа мира и согласия в Дагестане // Материалы Республиканской научно-практической конференции. – Махачкала, 2010; Магомедов А.А. Мы – дагестанский народ. – Махачкала, 2010.
14. Язык // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.

Поступила в редакцию 3 ноября 2011 года